

ЗА СПИНОЙ ВЕЧНОСТЬ

История Юрия Завьялкина похожа на хорошо знакомую русскую сказку про мужика, который благодаря своим умениям творил чудеса. За тридцатилетний опыт бригадира-реставратора волшебства случались всякие. И шпиль на высоте 50 метров с помощью машинного домкрата и ветра выпрямлял, и резной купол одним топором мастерил, и безо всякой науки, на одной смекалке более десяти храмов восстановил. Сказка? Сказка. Только правдивая. Осталось вам её рассказать.

В Чаплыгине, во дворе столетнего дома, меня встречают шесть кошек и их хозяин — дядя Юра, официально — Юрий Завьялкин. Когда-то он, не имея специального образования, возродил из руин все храмы в округе. А сейчас смотрит на них из окна и тихо радуется. Первое, что спрашиваю: почему он пошёл этой дорогой. Мог бы ведь хорошо зарабатывать на частных стройках. «Не могу жить без красоты», — отвечает дядя Юра.

«И Я ПОЗВОНИЛ В КОЛОКОЛ»

Юрий Завьялкин взялся за восстановление первого храма в 40 лет. А вокруг было столько обездоленных памятников старины, что реставрацию последнего храма он завершил в 78. Спустился в последний раз со строительных лесов, поклонился. А по пути домой слушал, как один за другим поют колокола спасённых им от забвения церквей. За этим щемящим звоном не просто годы его работы — жизнь. Он вспомнил, как установил колокол

на Троицком соборе. Внизу — весь город, хранивший тишину 80 лет. И вот, он первый, кто нарушит молчание.

— Вся рубаха дрожала, — говорит дядя Юра, имея в виду то ли действительно рубашку, то ли свою душу. — И я позвонил в колокол.

А началось всё практически на том же месте, только в низине. Тогда дядя Юра с женой ещё жил в деревне и приезжал в Чаплыгин на рынок торговать излишками выращенного в огороде. Вблизи Троицкий собор, и всякий раз при виде его обветшалого остова он говорил себе: «Когда-нибудь я тебя восстановлю». И сдержал своё слово. С трудом, но сдержал.

В конце 80-х прошлого столетия собор хотели взорвать, а на его месте построить жилой дом. Подогнали два гусеничных трактора, скинули четыре маленьких купола, а шпиль — никак, только погнули. Смотреть на всё это дядя Юра не смог. Попросил власти доверить ему восстановление. На тот момент Завьялкин

Юрий Завьялкин взялся за восстановление первого храма

В
40
лет.

А вокруг было столько обездоленных памятников старины, что реставрацию последнего храма он завершил

В
78

▲
Троицкий собор до реставрации.

не был известным строителем. Да, восстановил одну церковь под нужды краеведческого музея, работал с бригадой по городу. Собор же — иной масштаб: 54 метра с куполом и 74 — с колокольней. Так что высказанное недоверие понять можно. И он, отчаянный мечтатель, пообещал сброситься с высоты, если не восстановит собор, если не получится. К счастью, горячие слова оказались сильнее холодного расчёта. И бригадир взялся за дело. Помогли пятеро детей и жена.

С Любовью он трудился с первой церкви и до конца её жизни. Всегда на неё первую надевал для высотных работ страховку, на себя не хватало. В разговоре дядя Юра часто вспоминает о жене:

— Люба деревенская была и потому ничего не боялась. Еще ребёнком заново выложила на крыше дома развалившуюся дымоходную трубу — отца-то не было. Бельить умела, штукатурить. На верхотуре как рыба в воде. Не меньше, чем я, горела делом. И все к ней тянулись. Вот она какая у меня была.

Говорит о жене — и голос его теплеет. И взгляд, когда устремляется на портрет их, молодожёнов, у изголовья кровати. Как напоминание о большой любви — и повторяющаяся надпись на страницах альбомов «Юра + Люба».

«НУ ТЫ И ДАЁШЬ, МУЖИК!»

Вообще, альбомы Завьялкина — это не просто набор семейных воспоминаний, а скорее, способ зафиксировать случившиеся с ним чудеса. Он бережно раскладывает их передо мной и скромно говорит:

— Полистай, если интересно.

На вопрос, почему так скрупулёзно всё собирал и записывал, отвечает:

— Я же знаю, как работает история.

В самой главной и оттого толстой книге памяти щепетильно собраны фотографии и дневниковые записи. На первой странице выведено: «Каждое утро я встаю и молюсь на свои храмы, мне их видно в окно из дома, и очень этому радуюсь, что я их все восстановил из руин, а теперь звонят в них колокола и идёт служба. Ради этого стоит жить».

А дальше в альбоме чёрно-белая, как и у всякой судьбы, история. Тёмные порушенные церкви перемежаются со своими посветлевшими и едва узнаваемыми версиями. Рядом для сравнения архивные снимки «дообветшалых» времён. Отличия едва различимы. И это при том, что фотографии из архивов часто

Юра + Люба. Как они, 53 года.

Каждое утро я встаю и молюсь на свои храмы мне их видно в окно из дома и очень этому радуюсь что я их все восстановил из руин а теперь звонят в них колокола и это здорово, идёт служба ради этого стоит жить

Все храмы поднимала из руин моя Любка со мной и все Дети,

приходили уже после или во время работ. Снимки не всегда служили инструкцией, иногда подтверждали его догадки.

Приходя на новый объект, Юрий Завьялкин внимательно изучал общее строение здания, его особенности, считал кирпичи и выстраивал в голове предполагаемый образ того, как это было. Ну а дальше работал без чертежей, на чистой интуиции. Однажды это очень удивило столичных специалистов:

— Для восстановления храма в Бутово приехала комиссия архитекторов из Москвы. Смотрели, измеряли, прикидывали, а потом говорят: «Этот проект миллион двести стоит будет». Да я за такие деньги вам дом поставлю! Ни у кого не спрашиваю, ни с кем не советуюсь — просто измеряю масштаб по фотографии, беру и делаю. Объяснил потом им свой метод, они только и смогли сказать «Ну ты и даёшь, мужик!». А у нас всё отточено. Приходили к руинам, уходили — картинка. Иногда даже за один сезон справлялись, — рассказывает мастер.

ОДНИМ ТОПОРОМ

О чудесах во время стройки дядя Юра говорит особенно звучно, рассказывает по комнате, взмахивает руками. Трогательно звучит история про то, как от его виноградника радуга вела к собору. Как он на том же соборе погнутый шпиль пытался выпрямить машинным домкратом и внезапно налетевший ветер помог ему. Как упал на стройке с большой высоты на кирпичи и не разбился (только на левом боку спать не может). И вот уже передо мной не тот мир, законы физики которого хорошо известны. А другой, где возможно всё, даже чудо. Где человек возрождает красоту, вознося её на многие-многие метры вверх. Только потому, что не мог без этого. Не мог видеть, как рушится город, его история, его суть. И без оглядки брался за любое дело, взамен не получая иногда и бутылки кагора.

Всегда старался научить своих детей мастерству, а потом учился у них сам. Говорит, они лучше, чем он, — так и должно быть. Дядя Юра с любовью показывает глиняные

//

И вот передо мной другой мир,
где возможно всё, даже чудо.
Где человек возрождает красоту, вознося
её на многие-многие метры вверх.
Только потому, что не мог без этого

▲
В бригаде Юрия Завьялкина каждый был универсалом. Работали без спешки и всё успевали.

игрушки, их мастерит его дочь. Каждый день радуется лепнине, которую сын выложил на потолке.

— Саша у нас художник, — с гордостью протягивает он.

Внукам дедушка тоже пытается привить любовь к делу, приговаривая:

— Наловчитесь строить — всегда будет хлеб.

Эту важную истину ему дала жизнь в деревне в послевоенные годы, когда в 14 он брался за любую работу. Строил колодцы, домашние срубы, крыл крыши. Так и научился всему и усвоил принцип — в бригаде каждый должен быть универсалом. У него в команде вообще был особый порядок. Если и делать, то без спешки, размеренно, где каждый знает свою задачу. Работа с восьми утра. Без завтрака. В 12 — обед. Неторопливый. Потом опять работа, дотемна. И ведь всё успевали.

Работала бригада Завьялкина не только с церквями. Одна из главных достопримечательностей города — дом Меншикова — тоже восстановлена ими. Да и в целом, если пройтись по районному центру, найдётся немало мест, к которым реставратор приложил руку.

Однако очень важной, пусть и не особенно масштабной, остаётся для него часовня, сделанная в память о жене в её родном селе Братовка:

— Как-то пришёл на могилу к Любе, зажёл свечу, а она гаснет на ветру. И я решил, что нужна часовня. И людям послужит. Отстроил с сыновьями, а деревянный купол решил сам мастерить во дворе. Инструментов как назло нет — раздарил. Пришлось одним топором работать. Покрасили, залакировали, и получился он, как металлический, — почему-то шёпотом говорит дядя Юра.

Когда наша беседа подходит к концу, я прошу его доехать вместе до собора. У его подножия мы смотрим вверх. Шпиль прямехонький врезается в пасмурное небо. Я отхожу подальше, чтобы сделать снимок, и вижу, какой маленький и при этом большой человек стоит перед ним. И за его спиной вечность. А может, и не одна.

По пути домой мы проезжаем одну, вторую, третью церковь, которую Юрий Завьялкин по праву может считать своей. И я думаю, думаю, думаю. И рефреном мне вторит голос: «Не могу жить без красоты».

Текст и фото **Анастасия ПЧЕЛОВА**, архив **Юрия ЗАВЬЯЛКИНА**

«Не могу жить без красоты»

